

Муха бьется о стекло: «тук-тук, тук-тук... вж-ж-ж, вж-ж-ж... тук-тук, тук-тук...» Глупая: не понимает, что все это – обман. Нет никакого выхода. Можно, конечно, встать и открыть окно. Но влом. Сканворд еще не разгадан. Два слова осталось. По горизонтали: «Удар, которого не ждешь», тринадцать букв, пятая – «а», девятая – «мягкий знак», последняя – «о». По вертикали: «Семейное кладбище», пять букв, четвертая – «е».

Смена подходит к концу. Виктору пора собираться. Сканворд отправляется в сумку. Вот и Василий подошел.

– Здорово, Витёк!

– Здорово!

– Ну как прошло, спокойно?

– Ночью – да. Вечером один из железнодорожного права качал. Я его задержал. Хотел сумку досмотреть. А он не давал. На правила, на законы ссылался. Ученый, с-сука. Сказал, что жалобу напишет начальнику караула, а то и директору.

– Пугал просто.

– Да хер его знает! Сильно борзый.

Добираться было неблизко. Сначала – до остановки. Потом – в переполненном автобусе до автовокзала. Оттуда – уже на пригородном минут сорок. На свой автомобиль у Виктора заработать не получилось. Да и желания особого не было.

Тамара поднялась в половине пятого. Подоила корову, поставила вариться суп с фрикадельками. В семь разбудила Лерку. Помогла ей собраться в школу. Достала из шкафа блузку и юбку, которые купила в прошлые выходные на рынке. Решила подгладить.

Заскрипела несмазанная дверь. Виктор неспешно разделся и прошел на кухню.

– Привет! – Тамара улыбнулась своими веснушками. – Как добрался? Народу много было в автобусе?

– Да как обычно. Не протолкнешься.

– На работе все хорошо?

– Как всегда.

– Яичницу будешь? Я на двоих пожарила. Или чай?

– Не-а. Я спать. Подарок купила?

– Купила. Постельное белье. Ивановское! Хочешь узор посмотреть?

– Не надо. Я не разбираюсь. Купила и купила. Разбуди меня, чтобы собраться успел.

На автобус чуть не опоздали: у Виктора сгорела электробритва, а со щетиной он в гости ехать не хотел. Бегал в ларек за одноразовыми станками.

От автовокзала решили дойти пешком. Моросил мелкий тоскливый дождик. По дороге за ними увязалась дворняга с обрубленным хвостом. Забегала вперед, опускала голову и, глядя исподлобья, скулила. Виктор не выдержал и напододал ей. Дворняга, повизгивая, перебежала на другую сторону улицы и какое-то время неотрывно смотрела им вслед.

Корниловы уже заждались. Стол был накрыт на шестерых. Кроме Виктора с Тамарой позвали еще сестру именинницы, Ирину, и ее мужа Игоря. Варвара постаралась на славу: три вида салатов, отбивные с картошкой, соленые грибы, селедка и фирменные мясные рулетики. Павел уже разлил самогон. С тех пор как он купил аппарат и подписался на пару тематических каналов в ютубе, покупное в их доме не пили.

– Варь, налей мне компота. – Тамара отодвинула стопку с самогоном. – Мне сегодня на работу в ночь, через три часа уже выходить.

– Тома, ну пару стопок-то можно! – Павел развел руки, словно приглашая ее на танец. – Витёк, ты же из охраны, скажи!

– Да можно, можно. С твоим весом сто граммов как раз за три часа выйдут. Если что, мне позвонишь. Я решу вопрос.

– Ну, если можно... – Тамара пожала плечами и вернула стопку на место.

Виктор никак не мог включиться в общий разговор. Чтобы быстрее развеселиться, он налегал на самогон, но тот разливался по телу тягучей, вязкой смолой, давил свинцом на виски и затылок. Его накрыло прозрачным колпаком, толщина которого увеличивалась с каждой опрокинутой рюмкой.

– Тамара, а это не ты выиграла в прошлом году заводской конкурс среди станочников? Я помню, что мы тогда репортаж снимали, но мы с тобой еще вроде не были знакомы? – Игорь прищурил глаза, прятаясь за толстыми линзами очков.

– Да она, она. Кто же еще. – Раскрасневшаяся Варя не дала Тамаре самой ответить на вопрос. – Она уже три года подряд его выигрывает. Говорят, что мужики уже отказываются участвовать, потому что позора боятся. У нас на доске почета только одна фотография не меняется. Догадаетесь: чья? А мастер вообще с нее пылинки сдувает, потому что она одна сразу на трех станках шарашит.

– Тома, да тебя за это муж должен каждый день на руках носить! А, Вить, ну скажи, носишь ведь, носишь? – Ирина подперла отяжелевшую голову рукой и ухмылялась осоловелыми глазами.

– Да она сама куда хочешь быстрее меня домчится. – Виктор ковырял вилкой остатки еды. – На работу вон пешком добежала из деревни, когда с бензином проблемы были и маршруты обрезали.

– А что же вы в город никак не переберетесь? – Варя остановилась на полпути к плите. – Сами оба на заводе работаете. Лерка три раза в неделю в художку мотается.

Косая ухмылка слизнем сползала с Витинового лица. Павел что-то сосредоточенно рассматривал у себя на тарелке. Игорь с Ириной отложили приборы. Тамара убрала в сумку надоедливый телефон.

– Хозяйство бросать не хочется. Вся еда, считай, в хлеву и в огороде. Да и квартиры сейчас больно дорого стоят. Нам не по карману. – Тамара сложила брови домиком. – Вите вот с начальством не повезло – все в старших контролерах маринуют, хотя по стажу уже давно должны были начальником караула поставить. Вместо него всё каких-то желторотых назначают.

Виктор вполоборота развернулся к жене.

– Чё ты меня защищаешь? А? Чё защищаешь? Нашлась тоже защитница! Отличница из ПТУ номер три! Если бы не ты, я бы уже давно в Москве работал. Меня Андрюха тогда звал. А сейчас у него уже там фирма своя. Коттеджи строит олигархам. А ты все причитала: «Что мы там будем де-елать? Где будем жи-ить?» Ну и продолжай теперь себе варикоз зарабатывать у своих станков!

Тамара закрыла руками лицо. Варя кинулась к ней. Игорь с Ириной молча переглядывались. Павел застыл с полуоткрытым ртом. Виктор достал сигареты, протиснулся в прихожую, по пути задевая всю мебель, вышел на улицу и не вернулся.

На работу Тамара успела вовремя. В проходной приветливо улынулась Витиному сменщику.

Переход через железнодорожные пути. Бытовой корпус. Раздевалка. Цех. Станок. Три станка. Быстро просмотрела чертеж. Установила болванку. Запустила станок. Три станка. Через сорок минут из трех несуразных заго-

товок выйдет на белый свет их блестящая отполированная сущность с идеальной геометрией, повергающей микрометр в экстаз.

По пролету в ее сторону идет мастер. С ним – еще двое в камуфляже.

– Тамара, здравствуй! Тут это... э-э-э... недоразумение какое-то. На горячую линию сообщили, что ты... м-м-м... что ты, в общем, выпившая на работу пришла. Вот сотрудники из ЧОПа. Им надо тебя проверить.

За воротник к Тамаре пробрался большой противный паук и полез туда – вниз, к пояснице. Затылком она чувствовала, как вокруг нарастает, густеет и начинает искривляться злорадное любопытство.

– Сергей Петрович, я... я не понимаю ничего! Проходную прошла – никто ничего не спрашивал.

– А это уже после позвонили. Добро-же-ла-тели, – прищурившись, процедил один из охранников. – У нас с собой есть прибор. Вот, ознакомьтесь. Поверенный. Вам надо в него дыхнуть.

– А если... если я откажусь?

– Тогда мы отвезем вас на освидетельствование в наркологию. Если и от этого откажетесь – составим акт и направим в дисциплинарную комиссию. Как правило, при отказе от освидетельствования выносятся решение об увольнении сотрудника с предприятия. Как, впрочем, и при нахождении на рабочем месте в состоянии алкогольного опьянения. Ну что, будем дышать или в наркушку сразу поедем?

Телефон Виктора был недоступен. Охранники с мастером что-то заполняли на мятых, пожелтевших бланках.

Виктор с трудом разлепил глаза. Где он? Не видно ни хрена. На полу лежит где-то. А-а-а, так это он у себя на кухне. Сил, видно, до спальни дойти не хватило. Вот

и телефон рядом валяется. Блин! Весь экран разбит. Новый покупать не на что. Получка только через две недели. Темно, как в склепе. Точно – «склеп»! «Семейное кладбище» из пяти букв. Четвертая «е». Тогда то, которое по горизонтали, начинается на «п». «Удар, которого не ждешь». Тринадцать букв. Пятая «а», девятая – «мягкий знак», последняя – «о». Что же это все-таки? Что?